

УДК 008:34

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российского института культурологии,

Государственного института искусствознания и ИКОМ России

по проекту Федерального закона № 391395-5 «О передаче религиозным организациям

имущества религиозного назначения,

находящегося в государственной или муниципальной собственности»¹

Общие замечания

Основное замечание – в законопроекте отсутствует четкое определение основного понятия «имущество религиозного назначения». При желании, его можно толковать весьма широко, так как почти каждая культура возникла на почве религии и многими зримыми и незримыми нитями с ней связана. В этом случае термин «имущество религиозного назначения» может быть трактован предельно широко, что предопределяет невозможность введения разумных ограничений в сфере применения данного законопроекта.

В основе современной европейской культуры, в том числе и российской, в ее христианской конфессиональной части, лежит Священное Писание. Но является ли это достаточным поводом для того, чтобы объявить все, произросшее на почве веры, исключительным достоянием церкви и поэтому противопоставлять культуре светской, продолжающей обращаться к этому неиссякаемому источнику? Как бы мы реагировали на внесение кем-нибудь в Госдуму проекта закона о запрете читать Евангелие вне церкви?

Современная цивилизация признает исключительную роль духовной культуры. Однако это не противоречит, а скорее способствует существующей в мировой практике тенденции музеефикации памятников религиозной культуры. Во всех православных и неправославных странах существуют музеи религиозного искусства. В Греции, например, существует закон, запрещающий передавать в собственность общинам верующих объекты, созданные до 1453 г., т.е. до времени падения Византии.

Роль музея в обеспечении сохранности памятников культуры и искусства не подвергается сомнению во всем мире. Сикстинскую Мадонну Рафаэля видится немислимым изымать из

Дрезденской галереи. В Сикстинской капелле Ватикана, расписанной Микеланджело, никаких богослужений не совершается, равно как и в капелле Николино – домашней молельне римских пап, расписанной великим Фра Беато Анджелико, современником Рублева. Они находятся в идеальном состоянии и полной сохранности, тогда как наша национальная гордость – фрески Рублева во Владимире и Звенигороде, эксплуатируемые по первоначальному назначению, – близки к полному исчезновению. Та же участь в случае передачи храмов, хранимых сегодня музеями, неизбежно ожидает уникальные иконы и фрески Дионисия, Феофана Грека, Гурия Никитина и других великих мастеров прошлого.

Храм Святой Софии (мечеть Айя-София) в Стамбуле, превращенный в 1934 г. указом основателя и первого президента Турецкой Республики Ататюрка из мечети в музей и ежегодно принимающий более двух миллионов посетителей, являет собой яркий и убедительный пример необходимости музеефикации столь сложного в историческом отношении памятника, служившего предметом постоянных конфликтов между христианами и мусульманами. Музеефикация данного памятника отчасти сгладила эти противоречия и позволила открыть доступ к нему представителям самой разной конфессиональной и культурной принадлежности, реализовывая право каждого человека на участие в культурной жизни и доступ к культурным ценностям. Музеефикация памятника, возможность проводить археологические изыскания и реставрационные работы открыли миру многие уникальные произведения искусства, относящиеся к разным эпохам и культурам, – античной, христианской, мусульманской. Именно статус музея позволил признать одинаково ценными и значимыми для человечества все этапы существования этого памятника.

Духовная культура человечества, вышедшая из лона религий и воплотившаяся в памятниках искусства, не противопоставляет себя им и не пытается возвыситься над ними. Но одним великим преимуществом культура все же обладает – способностью объединять людей, принадлежащих к разным конфессиям, заставляя их любить творения людей, принадлежащих к иной вере, уважать их, придерживаться единых нравственных принципов.

Разделяя наиболее ценные объекты культуры, признанные общенациональным достоянием по этноконфессиональному признаку, авторы законопроекта изымают то неделимое ядро, тот стержень, который обеспечивает органическое взаимодействие и взаимопритяжение культур разных народов, населяющих Россию, закладывая, таким образом, «бомбу», способную полностью разрушить пока еще существующее единое культурное пространство страны и погрузить нас всех в хаос конфликтов между отдельными группами населения. Недальновидность такого решения на фоне роста фундаменталистских настроений может привести в значительной части общества к пожару более страшному, чем те природные катаклизмы – лесные пожары, масштабы которых могли бы быть намного меньше, будь законодатели более прозорливыми и менее политически ангажированными.

В тени остается экономическая сторона законопроекта, т.е. вопрос о том, во что обойдется его реализация. Ведь для вывода училищ, институтов, госучреждений, филармоний, музеев, архивов и библиотек, располагающихся в зданиях храмов, бывших семинарий, церковно-приходских училищ и других, потребуется построить новые здания и соответствующим образом их оборудовать, не говоря уже о проблеме землеотвода под такое строительство.

Шестилетний срок действия Плана, прописанный в законопроекте, при условиях отсутствия хотя бы примерного перечня объектов, подлежащих передаче, и отсутствия хотя бы

приблизительных расчетов необходимых затрат, – чистая фикция. В этой связи также необоснованным остается резюме приложенного к законопроекту финансово-экономического обоснования, в котором говорится, что реализация законопроекта «не потребует дополнительных расходов средств соответствующих бюджетов».

Содержание законопроекта также оставляет неясным положение музеев-заповедников, т.е. музеефицированных ансамблей монастырей, архиерейских домов и кремлей. Опыт музеефикации таких ансамблей был инициирован еще в конце XIX в. Московским археологическим обществом и Императорской археологической комиссией. Одним из наиболее значимых примеров стало учреждение Ростовского музея, которому было вверено изучение и сохранение Ростовского кремля с его давно пустующими храмами. Как древние и хрупкие реликвии, они нуждались в особых условиях содержания. Музей вернул им жизнь, показав сколь значимым было эстетическое начало для богослужебной функции древних памятников. В самом осознании церковных зданий, икон, богослужебных предметов как произведений искусства церкви не было никакой смысловой конфронтации. Позднее, в советское время, учреждение музеев-заповедников позволило не только сохранить многие произведения искусства от их превращения в имущество, которое могло быть продано, уничтожено, перелито в слитки, но дало возможность сохранять, поддерживать, реставрировать, сделать их доступными для любого человека, и, наконец, изучать, развивая науку об отечественном искусстве и культуре, раскрывая их истинное значение для человечества. Музеи-заповедники стали зримыми свидетельствами величия древнерусской и русской церковной культуры, не позволившими предать забвению великую историю нашей Родины. Они и сегодня остаются единственной институцией, способной защитить эти особо ценные объекты национальной культуры и обеспечить надлежащие условия сохранности исторических памятников.

Все это предлагаемый законопроект игнорирует. В нем в качестве идеологической основы принята, по сути, обскурантистская концепция, возрождающая идеи советской пропаганды. Она не признает не только существования проблемы сохранения, изучения и реставрации памятников, но и саму необходимость музея как одного из общественных институтов, служащих во всех странах мира главным инструментом: с одной стороны, национальной самоидентификации, с другой – приобщения людей к общечеловеческой цивилизации.

Существуют и более конкретные, но столь же важные аспекты обсуждаемой проблемы.

Функциональное использование памятников культуры – естественная причина утрат, искажения первоначального облика, а нередко и их гибели. Без строгого соблюдения законов, без соблюдения специальных мер хранения, которые авторы законопроекта не отличают от мер охраны (пожарной, милицейской) избежать этого невозможно. История борьбы за сохранение памятников церковной древности, начавшаяся в России по инициативе императора Николая I, была безуспешной. Памятники гибли. Общество требовало принятия жесткого закона об охране памятников. Но его проект, подготовленный в те времена Министерством внутренних дел России, остался нереализованным из-за событий Первой мировой войны и Революции 1917 года².

Сегодня мы идем в прямо противоположную сторону. Законодательство бездействует, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – 73-ФЗ) не исполняется, разрушена государственная система аттестации реставраторов и контроля за ведением реставрационных работ.

Нагляднее всего бедственное положение дает о себе знать именно на тех объектах, где заказчиками работ выступают религиозные организации. Списки искажений, актов вандализма, прямого разрушения памятников могут занять не одну страницу. Принятие обсуждаемого законопроекта в существующем виде только усугубит положение. Он обрежет передаваемые памятники если не на физическую гибель, то, безусловно, на искажения и деградацию их культурной ценности.

Замечания по отдельным статьям законопроекта

Статья 1

Обсуждаемый проект федерального закона не выделяет памятники истории и культуры из объектов, определяемых законом как «имущество религиозного назначения». Их реальные нужды, проблемы их сохранения и реставрации заслонены понятием имущества. Характерна ошибочная формулировка, содержащаяся в тексте обсуждаемого законопроекта: «Действие настоящего Федерального закона не распространяется на имущество религиозного назначения, относящееся к музейным предметам и коллекциям, входящим в состав Музейного фонда Российской Федерации...» (ст. 1).

Ошибка состоит в том, что музейные предметы и коллекции не являются имуществом. Любое общество в процессе развития осознает некоторые объекты как культурные ценности, подлежащие изъятию из повседневного обихода с целью сохранения и передачи из поколения в поколение. Для этого обществом созданы специальные институты, именуемые музеем и архивом. В тот момент, когда культурный объект попадает в государственный музей, он перестает быть имуществом религиозного или любого другого назначения. Он становится памятником истории и культуры – национальным достоянием, а его первоначальное назначение – фактом истории. Это как раз тот случай, когда Гражданский Кодекс Российской Федерации вместо понятия «имущество» использует понятие «объект гражданских прав». В п. 2 ст. 129 говорится о существовании «объектов гражданских прав, нахождение которых в обороте» закон может не допускать.

Далеко не все памятники, хранящиеся музеями, относятся к категории «музейных предметов и коллекций». Например, фресковый ансамбль кисти Дионисия в Ферапонтово – памятник мирового значения, хранящийся музеем. И памятники, подобные ему, согласно данному законопроекту, должны быть переданы. Но в случае передачи для использования по первоначальному назначению нельзя исключить возможные разрушения или гибель памятника. Как и любой другой музейный объект, такие памятники должны находиться в поле постоянного внимания хранителей и реставраторов.

Статья 2

Древнейшие храмы, в которых сохранились ансамбли фресок и иконостасы, являются неотъемлемой частью музейного фонда. Неминуемо возникнет вопрос или об их передаче, или о замене копиями. Единственное прямое упоминание в законе о них мы находим в статье 2, где в графе «Основные понятия» перечислены: «предметы внутреннего убранства культовых и религиозных зданий» и «предметы, предназначенные для богослужбных и иных целей». Но далее нигде мы не найдем ни слова об этом, что демонстрирует терминологическую недоработанность законопроекта и его умозрительность.

Здесь мы подходим ко второй грубой ошибке в тексте законопроекта. Она содержится в определении: «Имущество религиозного назначения – недвижимое имущество (здания, строения, сооружения, **включая** объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, монастырские, храмовые и иные культовые комплексы...» (ст. 2). Ошибка состоит в том, что, говоря о недвижимости, также следует разделять имущество религиозного назначения (например, храм Христа Спасителя) и памятники истории и культуры народов Российской Федерации (например, храм Вознесения в Коломенском). В представленном законопроекте нет и намека на дифференциацию недвижимых объектов культурного наследия, среди которых есть древнейшие памятники, составляющие облик российской цивилизации, нуждающиеся при этом в особом режиме сохранения и поддержания и постоянных реставрационных работах.

Подобная неточность определений недопустима в тексте закона. Правильное определение должно звучать так: «Имущество религиозного назначения – недвижимое имущество (здания, строения, сооружения, **исключая** объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации...».

Отметим еще одну формулировку, допускающую, мягко говоря, неоднозначное истолкование. Согласно ей, объектами передачи являются «здания для временного проживания паломников, помещения в не относящихся к имуществу религиозного назначения зданиях, строениях, сооружениях, предназначенные либо предназначавшиеся для совершения и обеспечения указанных видов деятельности религиозных организаций...». Это прямое основание для реквизиции много чего. Если вдуматься в слова: «предназначавшиеся для обеспечения», то можно представить следующее. Возьмем что-нибудь совсем далекое от церковной жизни. Например, систему фортификационных сооружений – башни, крепостные стены и прочие военные вещи. Многие русские города были обнесены крепостной стеной, существовали кремли – крепости в центре поселений. А внутри кремлей находились, в том числе, храмы и монастыри. Крепостная стена обеспечивала и их безопасность. Получается, что крепостные стены вместе с башнями и пушками могут пониматься как имущество, подлежащее передаче. Если сейчас запереть ворота от посетителей, то это может обеспечить «молитвенное уединение» и тем самым способствовать «совершению деятельности религиозных организаций». Русская православная церковь уже претендует на Александровский, Астраханский, Дмитровский, Зарайский, Соловецкий, Тобольский, Рязанский кремли. Кстати сказать, на Соловках недавно произошла крайне неприятная история. Правительство захотело передать весь центральный Соловецкий ансамбль, включая крепостные сооружения, Русской православной церкви, но не получилось. Законодательство не позволило: это памятник федерального значения, в котором расположен музей-заповедник федерального подчинения, к тому же ансамбль Соловецкого монастыря включен в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Поэтому в конце прошлого года был совершен тонкий политический шаг: раз не можем передать *de jure*, передадим *de facto*. Музей формально остался государственным, но его директором сделали настоятеля Соловецкого монастыря. Тем самым под управление директора-настоятеля попали не только фортификационные сооружения, но и весь историко-культурный ансамбль Соловецких островов, включая неолитические лабиринты, языческие капища и прочие памятники, не имеющие никакого отношения к православию и чуждые ему. В результате неумелого управления этим сложным комплексом на Соловках впервые за десять лет провален туристический

сезон. Но это не самое страшное. Все читали недавно появившееся коллективное обращение жителей Соловецких островов к руководству страны: «Мы можем стать первыми гражданами России, вынужденными просить убежища за рубежом из-за религиозных притеснений на Родине». Таковы первые следствия поспешных и непродуманных политических решений.

Очевидно, что расплывчатость таких формулировок как «сооружения, предназначенные для обеспечения», создаст почву для многочисленных злоупотреблений.

Статья 3

Ч. 2 ст. 3 законопроекта предусматривает, что государственное или муниципальное имущество религиозного назначения отчуждается из государственной или муниципальной собственности исключительно в собственность религиозных организаций. Представляется, что это положение законопроекта не соответствует ряду норм Конституции Российской Федерации, а именно ч. 2 ст. 8, ч. 2 ст. 14, ч. 2 ст. 19 и ч. 2 ст. 35 в их системной взаимосвязи.

Согласно ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Ч. 2 ст. 35 Конституции закрепляет право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Положение ч. 2 ст. 3 законопроекта не соответствует приведенным гарантийным нормам Конституции, поскольку ограничивает возможность приобретения имущества религиозного назначения в иную форму собственности помимо частной собственности религиозных организаций.

Ч. 2 ст. 14 Конституции Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя России устанавливает, что религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Норма ч. 2 ст. 3 законопроекта вызывает сомнения с точки зрения соответствия установления такого исключительного права принципу отделения религиозных объединений от государства.

В соответствии с ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии, запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности. Вместе с тем законопроектом устанавливается указанное выше исключительное право религиозных организаций, т. е. вводится ограничение прав граждан, не принадлежащих к соответствующим религиозным организациям, на приобретение имущества религиозного назначения, что представляется не соответствующим ч. 2 ст. 19 Конституции.

Ч. 3 ст. 3 проекта закона предлагается осуществлять передачу имущества религиозного назначения с учетом конфессиональной принадлежности указанного имущества. Вместе с тем, конфессиональная принадлежность культового здания на протяжении его существования могла меняться. Поэтому в случае поступления заявок в отношении одного и того же культового здания от религиозных организаций двух различных конфессий, имеющих при этом равнообоснованные права на это здание, возможно возникновение межконфессиональных споров и конфликтов.

Статья 5

Законопроект необходимо дополнить положением о запрещении отчуждения объектов религиозного назначения, полученных религиозной организацией на безвозмездной основе.

Непонятен также состав «имущества, предназначенного для обслуживания имущества религиозного назначения» (ч. 3 ст. 5), определение которого должно быть дано в ст. 2 проекта.

Норма абзаца 2 ч. 4 ст. 5 проекта допускает возможность передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения, в котором размещена организация культуры, без предварительного предоставления равноценного здания (помещения) организации культуры, что противоречит ст. 53 Закона Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», предусматривающей безусловное предварительное предоставление организации культуры равноценного помещения.

В связи с изложенным выше норму проекта закона в части передачи религиозной организации имущества религиозного назначения, занимаемого организацией культуры, следует привести в соответствие с ч. 7 ст. 53 Федерального закона «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Следует предусмотреть передачу религиозной организации объекта религиозного назначения, занятого учреждением культуры, только после фактической готовности помещений, обеспечивающих деятельность выводимых учреждений культуры, независимо от шестилетнего срока действия Плана, предусмотренного проектом. В связи с этим нуждается в уточнении порядок и сроки принятия уполномоченным органом решения о передаче религиозной организации имущества религиозного назначения, занимаемого организациями культуры, предусматривающие, в том числе, невозможность прекращения права оперативного управления организации культуры на имущество религиозного назначения до предоставления указанной организации равноценных помещений. Целесообразно также ввести норму, регулирующую взаимоотношения заинтересованных сторон в случае превышения шестилетнего срока решения вопроса передачи религиозной организации имущества, указанного в ч. 4 и ч. 5 ст. 5 законопроекта.

Статья 6

Ч. 1 ст. 6 законопроекта предусматривает подачу религиозной организацией заявления о передаче имущества в свободной форме. В связи с имущественным характером соответствующих отношений и тем, что передаваемое имущество может иметь очень высокую стоимость, необходимо формализовать эту процедуру путем утверждения Правительством Российской Федерации обязательной формы указанного заявления.

Статья 7

С учетом необходимости всесторонней проверки обоснованности права религиозной организации на получение конкретного имущества религиозного назначения, представляется целесообразным предусмотреть в ч. 1 ст. 7 законопроекта значительно более продолжительный, чем один месяц, срок рассмотрения уполномоченным органом заявления религиозной организации.

В ч. 4 ст. 7 законопроекта предусматривается, что в период рассмотрения заявления религиозной организации о передаче имущества религиозного назначения, а также в случае поступления в этот период более одного заявления (от нескольких религиозных организаций) в отношении такого имущества включение этого имущества в перечни имущества, не подлежащего отчуждению из государственной (муниципальной) собственности, не допускается. Представляется, что такое ограничение прав государства требует дополнительного обсуждения.

Статья 8

Ст. 8 лишним раз демонстрирует, что в настоящем виде обсуждаемый законопроект имеет откровенно экспроприационный характер. В нем нет внятного описания условий, при которых передача объекта недвижимости, именуемого «имуществом религиозного назначения» должна быть признана невозможной. Перечислены только два мотива: 1) объект не принадлежит к имуществу религиозного назначения; 2) он «не подлежит отчуждению из государственной или муниципальной собственности в соответствии с законодательством Российской Федерации» (ст. 8, ч. 2а).

Какой закон имеется в виду, выяснить из текста законопроекта нельзя. Таких мотивировок как исключительная историко-культурная и социальная значимость объекта, состояние сохранности, ограничивающие возможности его функционального использования нет. Передача может быть отсрочена максимум на шесть лет, но абсолютно неизбежна и распространяется на все, что хотя бы в малой мере может быть связано не только с богослужением и другими формами деятельности специфичной для религиозных организаций, но и с хозяйственными и бытовыми отношениями, в которые неизбежно вступают любые организации. Таковы, например, некоторые больницы, занимающие здания бывших богаделен, общин милосердия, находившихся под патронатом церквей.

Законопроект и здесь не обращает внимания на реальные, сложные проблемы сохранения памятников истории и культуры. Можно было бы учесть имеющийся положительный опыт взаимодействия представителей православной церкви и музейного сообщества. В частности, достигнутое совсем в недавнее время соглашение о сохранении в музейном ведении древнейшего храма России – собора Спасо-Мирожского Завеличского монастыря в Пскове с уникальным комплексом фресок XII в. Характерно, что подобный опыт, как и вся реальность нашей страны, никак не учитывается в ст. 8 «Об обосновании отказов». В статье по-прежнему приводятся лишь имущественные критерии отказа и нигде не говорится о том, что речь идет не об имуществе, а о древнейших памятниках искусства. Поэтому среди пунктов этой статьи необходимо ввести положения о возможности отказа из-за состояния произведений искусства, его уникальности и редкости. Восьмая статья красноречиво показывает, что составители закона упорно пытаются превратить в имущество художественное наследие России и не понимают, что постоянная эксплуатация древних памятников угрожает им физически.

Статья 9

Состав комиссии, создаваемой в соответствии с ч. 1 ст. 9, необходимо дополнить перечнем специалистов в области охраны культурного наследия, искусствоведения, реставрации, социологии, истории, культурологии, включив также представителя организации культуры, имущество которой предлагается к передаче религиозной организации.

Статья 10

Из последней редакции текста законопроекта требование об использовании передаваемых объектов исключительно по первоначальному назначению изъято, что понятно, поскольку на собственника распространяются все права, гарантируемые Гражданским Кодексом, и заменено требованием (ст. 10) действовать сообразно целям, заявленным в уставе организации. В проекте

необходимо предусмотреть нормы, обязывающие религиозные организации использовать полученное на основании данного закона имущество только в качестве имущества религиозного назначения.

Из текста проекта нельзя понять, какое лицо, физическое или юридическое, несет ответственность за содержание и сохранение переданного религиозной организации объекта культурного наследия. В связи с этим полагаем необходимым персонифицировать такую ответственность указанием на постоянно действующий руководящий орган (центр) религиозной организации.

Статья 12

В связи с тем, что действие законопроекта не распространяется на имущество религиозного назначения, относящегося к музейным предметам и коллекциям, входящим в состав Музейного фонда Российской Федерации, или документы, входящие в состав Архивного фонда Российской Федерации или национального библиотечного фонда (абзац 2, ст. 1), ч. 2 ст. 12 из законопроекта необходимо исключить.

Рекомендации

Предложенный Министерством экономического развития Российской Федерации проект закона не учитывает всей специфики сохранения, реставрации объектов культурного наследия и музейного дела, поскольку он посвящен именно проблемам имущества.

Не подвергается сомнению тот факт, что традиционные для России конфессии были долго лишены источников своего материального существования. Закон, позволяющий восстановить их материальную базу, необходим, но он не должен распространяться на земли и здания, состоящие в государственном реестре объектов культурного наследия.

В отношении объектов культурного наследия, и движимых и недвижимых, речь должна идти не об имущественных правах конфессий, а их нравственном праве требовать уважение к своим святыням, что подразумевает также право совершать молитвенное поклонение им, использовать их во время богослужений. Это право должно быть отражено в статьях, дополняющих 73-ФЗ. В этих статьях должны быть прописаны возможности создания домовых храмов внутри музейных зданий, куда могут быть вынесены особо почитаемые иконы и другие реликвии, определятся специальные правила хранения литургических предметов. Поскольку речь идет об уникальных древних памятниках отечественной культуры, то законодательство должно обеспечивать индивидуальный подход к судьбе каждого из них – движимого и недвижимого. Таким образом, можно будет избежать очевидных конфликтов между 73-ФЗ и обсуждаемым законопроектом.

В связи с этим настоятельно рекомендуем

1. Полностью исключить из сферы действия закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения» памятники истории и культуры, как движимые, так и недвижимые.
2. Отказаться от использования понятия «имущество религиозного назначения» в применении к объектам культуры, получившим статус музейных памятников и ставших общенациональным

культурным достоянием, имеющим, согласно законодательству о культуре в Российской Федерации, приоритетное значение для всего общества.

3. Внятно прописать критерии мотивации отказа от передачи объектов в собственность или в бессрочное пользование.
4. Поручить Министерству культуры Российской Федерации разработку поправок, дополнений и подзаконных актов к 73-ФЗ, регулиующему передачу во временное пользование недвижимых памятников истории и культуры.
5. Рекомендации по доработке 73-ФЗ:
 - необходимо ввести пункты, более четко описывающие основания для передачи объектов культурного наследия;
 - необходимо выделить группу особо ценных памятников, составляющих основу российской культуры, придать им статус неприкосновенных, остающихся на правах музеев в исключительной собственности государства;
 - обязательно должен быть составлен список памятников, не подлежащих передаче ни при каких условиях;
 - наряду с требованием по сохранению объекта культурного наследия, нужно предусмотреть обременение религиозных организаций требованиями по обеспечению надлежащего содержания данного объекта и доступа к нему граждан;
 - ужесточить требования к владельцам и пользователям недвижимых и движимых объектов культурного наследия, в том числе и к представителям конфессий. Ответчиками должны выступать люди – главы общин, подписывавшие охранные обязательства. Любой случай искажения, нанесения ущерба памятнику должен в обязательном порядке рассматриваться в суде. В порядке должны быть повышены размеры никого сегодня не пугающих штрафов, а в случаях нанесения непоправимого ущерба, тем более гибели памятника, – должна быть предусмотрена уголовная ответственность;
 - восстановить систему аттестации реставраторов, допускать на особо ценные объекты только специализированные реставрационные организации, имеющие многолетний опыт работы;
 - обеспечить гражданам свободный доступ к памятникам культуры, гарантированный Конституцией Российской Федерации;
 - поощрять религиозные общины, открывающие храмы для музейного показа;
 - к подготовке этих дополнений в 73-ФЗ и обсуждаемый законопроект следует привлечь профессиональное сообщество, которое выражает свою готовность безвозмездно принять в этом участие.

Примечание

Текст законопроекта, представленный на парламентские слушания в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации от 15. 09. 2010 г.

См. в сб. «Охрана культурного наследия России XVII–XX вв. : хрестоматия» (М., 2000. Т. 1) следующие тексты: № 178 – Проект положения об охране древностей, 1911 г.; № 181 – Доклад комиссии Государственной Думы для рассмотрения законопроекта об охране древностей 1912 г.; № 183 – Сравнительное изложение для рассмотрения законопроекта о мерах к охранению памятников древности в редакции МВД и Комиссии Государственной Думы 1913 г.

Экспертное заключение подписали:

Разлогов Кирилл Эмильевич,
директор Российского института культурологии

Трубочкин Дмитрий Владимирович,
директор Государственного института искусствознания

Толстой Владимир Ильич,
Президент ИКОМ России

Экспертное заключение подготовили:

Баталов Андрей Леонидович,
заместитель Генерального директора Музеев Московского Кремля

Кочеляева Нина Александровна,
ученый секретарь Российского института культурологии

Лебедев Алексей Валентинович,
заведующий Лабораторией музейного проектирования
Российского института культурологии

Лившиц Лев Исаакович,
заведующий Отделом древнерусского искусства
Государственного института искусствознания

